

МЕЗОАМЕРИКА, ГВАТЕМАЛА, ГОД 2500-Й ДО Р. Х.

— **В**о славу великого Ра-Ка, Повелителя Нижнего Мира, Огня земли! — возгласил Верховный жрец. — Во имя его приносим мы эту жертву!

Человеческое кровоточащее сердце, стиснутое в руке жреца, пульсировало, его последние содрогания словно бы отбивали ритм для вступивших в обряд церемониальных барабанов, загрохотавших с вершины каменной пирамиды. Огромный вулкан, вздымавшийся над храмом, внезапно зарокотал и исторг плевков лавы. Струи расплавленной магмы прочертили алые полосы по его бокам, словно человеческие вены, полные светящейся крови, и устремились вниз, в джунгли.

Когда Верховный жрец вознес вырванное сердце вверх, в сторону огненного пика, толпа, собравшаяся у подножия пирамиды, разразилась восторженными воплями. Вулкан ответил низким рокотом. Барабанный бой резко оборвался.

Жрец торжественно опустил сердце в деревянный сосуд и поставил его у ног огромной статуи — головы бога с кошачьими глазами и оскаленной пастью хищника. Сам Верховный жрец в церемониальной одежде из шкуры ягуара носил на голове убор, сделанный из звериного черепа. Острые черты его лица едва виднелись сквозь разверстую пасть костяной маски: острый, как наверхие боевой секиры, нос, высокие, обтянутые кожей скулы, узкие глаза, черные и жесткие, как куски обсидиана. В мерцающем свете факелов жрец казался не менее страшным, чем боги, которым поклонялся народ Тлетл.

Жрец подошел к каменному алтарю, где до сих пор лежало, быстро остывая, тело жертвы: совсем молодого юноши, лет четырнадцати. В его остеклевших глазах еще стояли ужас и боль, которых он больше не испытывал. Коротким кивком жрец приказал своим помощникам заканчивать церемонию жертвоприношения.

Двое обнаженных по пояс мужчин, чьи торсы и руки, смазанные маслом, бугрились мускулами, сдвинули тяжелую плиту на вершине пирамиды, и в темнеющие небеса вырвался густой дым, воняющий серой. Четверо младших жрецов, чьи лица были скрыты масками ягуаров, подняли с алтаря безжизненное тело мальчика и поднесли его к разверзшейся дыре. Барабанщики внизу начали отби-

вать тяжкий ритм, под который толпа задвигалась в ритуальном танце, становившемся с каждым мгновением все безумнее.

— Ра-Ка! — возопил Верховный жрец, вскидывая руки. — Тебе единому в жертву приносим мы сердце, тело и душу этого человека! Прими их в свое вечное пламя!

Новый вопль беснующейся толпы — и труп паренька полетел в озеро лавы, бушующей и шевелившейся внизу. Плоть и кости были пожраны огнем в одно мгновение. Верховный жрец торжественно взмахнул окровавленными руками, барабанный ритм достиг апогея в своем неистовстве — и вмиг оборвался, когда...

Когда в безмолвии замерло все вокруг. А потом земля начала колебаться. Сперва почти незаметно подрагивать, а потом — содрогаться все сильнее и сильнее, и содрогания стремительно перерастали в сильнейшее землетрясение.

Зашумели, как от сильного ветра, кроны деревьев, заскрипели стволы...

Птицы, снимаясь с ветвей, в панике взлетали в воздух...

Крыши хижин начали проваливаться вовнутрь...

Каменные стены проседали во чрево земли...

На площади у подножия пирамиды земля с треском расколосась, как сухое русло реки, и струи дыма устремились из разлома на объятых ужасом

богомольцев. Люди, только что ликовавшие, метались и вопили от ужаса при виде того, как сильно разгневался их бог. Один Верховный жрец оставался недвижим и возвышался над толпой бесстрашным и невозмутимым, как каменная статуя.

— Пришло время главной жертвы! — возгласил он, едва колебания земли слегка утихли. — Это чистейшее приношение умилюстит нашего огненного бога и дарует нам новую жизнь!

С улыбкой, похожей на обоюдоострый серп, жрец указал на юную девушку. Только-только созревшая, вчерашнее дитя, она была прекрасна — волнистые черные волосы, чистая кожа бронзового цвета, огромные глаза, блиставшие, как звезды. Четверо младших жрецов с длинными сплюсненными черепами крепко удерживали ее, как она ни старалась вырваться из их железной хватки. Бьющуюся и кричащую девушку подтащили к алтарю и уложили на него. Барабаны продолжили отбивать свой чудовищный ритм, под который толпа начала взывать к богу согласно ритуалу:

— РА-КА! РА-КА! РА-КА!

Нагую спину девушки, возложенной на алтарь, холодил грубый камень. Чувствовала она и влагу — влагу свежeproлитой крови предыдущей жертвы. Она уже даже кричать не могла от ужаса — силы полностью оставили ее, руки и ноги были плотно зафиксированы четырьмя мужчинами в масках.

Темные, пустые, бездушные глаза Верховного жреца сфокусировались на ней. Взгляд его пылал ненавистью и злобой, выжигая из ее сердца последние капельки надежды. С жестокой улыбкой он подошел, нависая над ней, и вынул нефритовый нож, украшенный богатой резьбой: на рукояти был вырезан ягуар-оборотень. Несколько мгновений назад девушка видела, как этот нож забрал жизнь ее друга. Ее удерживали за голову, заставляя в леденящем ужасе смотреть, как Верховный жрец вонзал оружие в тело жертвы, а потом вырывал из груди еще бьющееся теплое сердце.

А теперь ее собственное сердце билось так страшно, словно собиралось вырваться из груди. Борьба из последних сил, не сдаваться до смерти! В последней отчаянной попытке освободиться девушка забилась в руках палачей — но все было тщетно. Вся воля к жизни, все сопротивление словно бы вытекло из ее тела, когда Верховный жрец начал напевать ритуальную песню — на языке таком древнем, что слова его звучали как заклятие черной магии.

— Рура, ркумаа, раар ард рурд,
Кмурар рук рух ур дархракк,
Гхрарук урк кург роур араррурд...

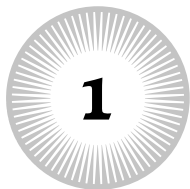
В ушах пульсировал барабанный бой, пение толпы становилось все громче и безумнее:

— РА-КА! РА-КА! РА-КА!

Под действием заклиняющей песни девушка впала в транс. Ей казалось, что душа отделяется от тела и скользит куда-то вверх, и она видела происходящее словно бы сверху — как жрец в маске ягуара медленно возносит над головой нефритовый клинок, еще мокрый от крови ее друга.

Нацелив конец ножа для удара, жрец устремил взгляд к горизонту, ожидая момента, когда угаснет последний луч заходящего солнца... угаснет навсегда.

ЛОНДОН, НАШИ ДНИ

По дороге в музей я замечаю, как группа парней, которые только что весело болтали, дружно умолкает и в молчании наблюдает, как я поднимаюсь по ступеням к главному входу. Я нажимаю кнопку звонка и жду. В ушах словно бы гремят далекие барабаны... Или же это просто пульсирует в голове мое собственное сердцебиение.

Я чувствую на себе взгляды этих ребят. Их молчаливое напряженное внимание меня тревожит, однако же я нарочно не оборачиваюсь, чтобы их не провоцировать. Наконец-то двери музея раскрываются передо мной, на темную улицу падает из помещения теплый свет. Я с облегчением показываю свое приглашение — и меня уважительно пропускают внутрь.

Тусовка стремных парней за спиной немедленно забыта. Я вешаю на крючок свой плащ и с нетерпением шагаю через шумный вестибюль, полный разодетыми в пух и прах гостями.

— Дженна! Наконец-то! — слышу я радостный голос Мэи. Подруга налетает на меня как ураган и сжимает в объятиях. И шепчет в самое ухо: — Ох, спасибо, что пришла! Этот вечер без тебя был бы такой ужасной скукотищей!

— Скукотищей? — я моргаю от изумления.

Я окидываю фойе быстрым взглядом — здесь столько всего потрясающе интересного! Резная ритуальная маска племени лулуа из Конго... Блистающий бронзовый греческий щит с лицом Медузы... Золотая статуэтка Будды... Пара самурайских мечей с костяными белыми рукоятями... Так много интересного! В помещении стоит гул тихих восторженных голосов, толпятся репортеры и фотографы, в углу диджей тихонько, чисто для фона и настроения, ставит эклектический микс из латиноамериканской, азиатской, африканской музыки, чтобы создать подходящую атмосферу.

— Но как это может быть скучно? В смысле — да это же потрясающе! — Я искренне обнимаю подругу в ответ. — Спасибо за приглашение, я просто в восторге.

Мэи закатывает глаза и хихикает:

— Неудивительно, что мои родители тебя так обожают! Если ты будешь продолжать в том же духе, как бы им не захотелось поменяться детьми с твоими!

Я удивленно щурюсь:

— Погоди, тебе правда совсем-совсем не интересно на этой выставке?

Мэи безразлично пожимает плечами:

— Слушай, в этом нашем доме годами копится куча всякого старья. Я его каждый день могу разглядывать, если захочется. И, честно, я не понимаю, почему люди носятся с подобной ерундой.

— Мэи, да твои родители — настоящие, не выдуманные Индиана Джонс и Лара Крофт! Они же весь мир объехали в поисках утраченных артефактов, а сегодня готовы показать людям свою частную коллекцию! Ничего удивительного, что все с этим, как ты выразилась, носятся.

— Ну, ты-то уж точно носишься как с писаной торбой, — усмехается Мэи. — Но знаешь, все это не кажется таким уж восхитительным, когда родителей никогда нет дома.

— Извини, — я примирительно сжимаю ее руку. — Я и забыла, как это все травмировало тебя и твоего брата.

— Ничего, мы выжили, — Мэи изображает веселую улыбку. — Мы с Ли отлично знаем, что для родителей мы вторые по важности после золотой лихорадки. Мы давно уже с этим смирились, и...

— О, Дженна! Как я рада тебя видеть, — слышится голос матери Мэи. Она уже шагает мне навстречу через вестибюль, одетая в элегантное

бордовое платье, с бокалом шампанского в руке. — Замечательно, что ты смогла выбраться к нам.

При виде матери Мэи расправляет плечи. Хотя на древности ей и наплевать, во всех остальных отношениях она очень похожа на маму: такая же красивая, с черными блестящими волосами, прямыми, как дождь, золотисто-карими глазами, высокими скулами и безупречной фигурой.

— Что вы, миссис Харрингтон, я бы ни за какие сокровища не упустила такую возможность, — честно отзываюсь я, улыбаясь хозяйке дома.

— Лин, как ты думаешь, может быть, Дженна — наша дочь, утраченная во младенчестве? — шутит отец Мэи, вырастая рядом со мной как из-под земли. Глаза его весело блестят. Высокий широкоплечий мужчина с челюстью, как у боксера, одетый вместо смокинга в дорожный костюм цвета хаки, он выглядит воплощением английского исследователя, соскочившим прямиком с киноэкрана.

— Вот, я же говорила, — преувеличенно трагически шепчет Мэи, закатывая глаза. — Они бы меня на тебя променяли, глазом не моргнув!

— *Vă obèi*, ты всегда будешь нашим главным сокровищем, — примирительно говорит ей мама, услышав ее слова. — Ладно, я думаю, Дженна сейчас просто сгорает от нетерпения посмотреть на наши последние находки, а мы ее забалтываем.

Дорогая, устрой ей подробную большую экскурсию, хорошо? И да, скажи своему брату, что его друзьям не обязательно толпиться у входа, они могут заходить и чувствовать себя как дома.

Мэи отвечает матери вежливым кивком и ведет меня в первый зал, где выставлена потрясающая коллекция артефактов Среднего Востока. Пока Мэи пишет на телефоне сообщение брату, я рассматриваю первый экспонат: четырехтысячелетнюю персидскую вазу.

— Скажи-ка, ты просто старалась быть вежливой с моими родителями — или ты правда в восторге от всего этого? — спрашивает Мэи, оторвавшись от телефона.

— Еще бы не в восторге, — искренне отвечаю я, внимательно изучая сложный голубой орнамент по краю вазы. — Ты же знаешь, я всегда любила и люблю историю.

Мэи склоняет голову к плечу, критически рассматривая вазу, словно ищет, чем тут можно впечатлиться.

— Слушай, но она же такая скучная. Это все просто... просто прошлое.

— Я ощущаю историю иначе, — возражаю я, переходя к стеклянной витрине, где выставлена египетская каменная табличка.

— Мне не понять, — вздыхает Мэи. — Кстати, ты голодная?